

Если бы кто-то другой услышал эти слова, он мог бы счесть, что Шэнь Шивэнь просто капризничает, но Сун Чжичжао, чьи чувства были связаны с ним невидимыми нитями, прекрасно понимал: его супруг снова приревновал.

Желая немного поддразнить его, Сун Чжичжао сделал вид, что задумался, а затем, тщательно подбирая слова, произнес:

— Твои требования неизбежно кажутся мне несколько суровыми.

— Что? — Шэнь Шивэнь никак не ожидал услышать подобное и посмотрел на него с явным недоверием. — Кто суров? С чего бы это я стал суровым?

Сун Чжичжао даже смотреть не нужно было, чтобы понять: сейчас его муж наверняка вне себя от ярости, сжимает кулаки и скрипит зубами. Однако, решив не отступать от своей игры, он продолжил:

— Ты же знаешь, мы оба — ученики учителя Фу, мы соученики. Когда я выпускался, учитель особо просил нас помогать друг другу в карьере в будущем, так что общение между нами неизбежно.

В какой бы сфере человек ни трудился, почитание учителя и уважение к наставничеству всегда должны стоять на первом месте — это ключ к успеху. Если Сун Чжичжао в столь юном возрасте смог добиться таких высот и положения, то дело не только в таланте и способностях, но и в том, что он учился у великих мастеров и никогда не забывал своих корней. В противном случае, каким бы искусным ни был человек, если он не чтит наставника или совершает предательство, он добьется лишь дурной славы, и окружающие будут обходить его стороной.

Шэнь Шивэнь знал, что старый учитель Фу Яньчэн — благодетель Сун Чжичжао. Он с самого детства заботливо обучал его, а позже без остатка передал все свои связи и ресурсы. Самым ярким тому подтверждением был выпускной вечер, который Фу Яньчэн устроил для Сун Чжичжао сразу после окончания Художественной академии Юйцзян. На тот вечер были приглашены самые влиятельные фигуры художественного мира и множество высокопоставленных лиц. Цель была проста: старый учитель хотел, чтобы ради него эти люди в будущем оказали поддержку Сун Чжичжао, облегчая ему путь в этом полном интриг мире.

Фу Яньчэн был легендарной личностью, деканом факультета живописи в Художественной академии Юйцзян. Сейчас, когда ему перевалило за шестьдесят, казалось бы, пора наслаждаться спокойной старостью. К сожалению, когда-то он не разглядел людей и принял в ученики неблагодарных подлецов, из-за чего из всех его последних учеников рядом остался лишь Сун Чжичжао. Впрочем, для самого Фу Яньчэна это оказалось благословением. Прожив полжизни, повидав людское тепло и холод, пережив предательства и разочарования, он встретил пятилетнего Сун Чжичжао.

Изначально учитель не планировал брать его в ученики, но мальчик оказался не только послушным и смывленным, но и обладал врожденным даром, словно само небо одарило его этим талантом. Несмотря на опасения, Фу Яньчэн не смог позволить, чтобы столь яркая

жемчужина осталась в тени. Он сжал зубы, решив рискнуть в последний раз, и сделал Сун Чжичжао своим единственным закрытым учеником, передав ему все свои знания. К счастью, старый учитель не прогадал. Сун Чжичжао не только достиг мастерства в своем деле, но и никогда не забывал об учителе. За все эти годы, какую бы награду он ни получал, он всегда с глубоким уважением упоминал и благодарил наставника. Даже на свою первую выставку после окончания академии он первым делом пригласил Фу Яньчэна, чтобы тот почтил её своим присутствием. Эта сыновья почтительность и верность корням вызвали искреннее восхищение в художественных кругах.

Но если Сун Чжичжао — закрытый ученик Фу Яньчэна, то кем является Хэ Юньцзин? Он учился в Художественной академии Юйцзян и, технически, тоже был учеником Фу Яньчэна. Но если говорить о близости отношений, то их почти не было. Старый учитель лишь из уважения к дружбе Хэ Юньцзина с Сун Чжичжао иногда давал ему советы. А в остальном? Едва ли учитель относился к нему с особым расположением.

Подумав об этом, Шэнь Шивэнь в душе не согласился с фразой Сун Чжичжао о соучениках.

— Какие еще соученики? — недовольно проворчал он. — Ты — единственный закрытый ученик мастера Фу, а он кто такой? Он лишь греется в лучах твоей славы!

Сун Чжичжао украдкой взглянул на него и не смог сдержать улыбки, видя, как Шэнь Шивэнь готов подпрыгнуть от негодования. Смешок не укрылся от ушей мужа. Шэнь Шивэнь сузил глаза, крепко схватил Сун Чжичжао за запястье и прижал его к стене, угрожающе прошептал:

— Еще смеешься? Ты хоть знаешь, что твой муж злится? Не веришь, что я могу тебя сейчас сурово наказать?

Сун Чжичжао дернулся, пытаясь освободить руку, но, поняв, что это бесполезно, небрежно приподнял бровь с видом полнейшего скепсиса:

— Это моя мастерская, и что ты собираешься здесь вытворять?

Не успел он договорить, как Шэнь Шивэнь накрыл его губы своими. Он покусывал губу Сун Чжичжао острыми зубами, выражая свою властность и не терпящую возражений агрессию. Заключив его в свои объятия, Шэнь Шивэнь целовал его так глубоко и настойчиво, что дыхание Сун Чжичжао сбилось, стало горячим, и он инстинктивно прижался к мужу всем телом, словно требуя продолжения. Заметив этот крошечный жест, Шэнь Шивэнь самодовольно усмехнулся и поцеловал его так, что у Сун Чжичжао подкосились ноги, окончательно взяв инициативу в свои руки. Былая нежность была отброшена, поцелуй стал неистовым, почти неконтролируемым, с избытком силы. Но даже если этот поцелуй был расставленной ловушкой, Сун Чжичжао добровольно попал в неё, став пленником любви. В конце концов, на поле битвы под названием любовь Сун Чжичжао давным-давно добровольно признал свое сокрушительное поражение.

Когда их страсть была на пике, в дверь мастерской вдруг постучали.

Сун Чжичжао резко пришел в себя, оттолкнул Шэнь Шивэнь, который бесцеремонно ощупывал его, прижав к стене, и торопливо прошептал:

— Не сейчас, дома договорим.

Шэнь Шивэнь, увлеченный процессом, явно не хотел отступать. Сун Чжичжао, заметив его намерения, не говоря ни слова, оттолкнул его в сторону. Шэнь Шивэнь с неуголенным желанием смотрел на покрасневшие и припухшие губы супруга, чувствуя острое удовлетворение. Незнакомому почему, но каждый раз, оставляя на теле Сун Чжичжао следы, он испытывал невероятное возбуждение. Словно ставя клеймо, это давало ему почувствовать, что Сун Чжичжао принадлежит только ему одному.

Увидев, что Шэнь Шивэнь продолжает пристально смотреть на него, не двигаясь с места, Сун Чжичжао, опасаясь, что муж рассердится, быстро поцеловал его в щеку и примирительно прошептал:

— Прости, любимый, забыл сказать заранее. У меня сегодня назначена встреча с тремя учениками. Ты иди домой, я сейчас выясню, что к чему, и сразу вернусь.

— Ученики? — Шэнь Шивэнь уцепился за главное и подозрительно посмотрел на него. — Какие еще ученики? Почему ты мне раньше не говорил?

Сун Чжичжао быстро привел одежду в порядок и, направляясь к двери, коротко ответил:

— Учитель порекомендовал. Говорит, будущие первогодки, художественный профиль, попросили меня позаниматься с ними.

Шэнь Шивэнь подумал, что ослышался, и с недоверием уставился на спину Сун Чжичжао. Убедившись, что его слух не подвел, он невольно повысил голос:

— Да ладно тебе, А-Чжао! Ты же говорил, что никогда в жизни не будешь брать учеников? Как ты изменил свое решение?

Рука Сун Чжичжао, потянувшаяся к дверной ручке, замерла. Он тяжело вздохнул и с досадой произнес:

— Я действительно этого не хотел. Но что поделать, приказ учителя не нарушишь.

Сун Чжичжао и правда не хотел быть преподавателем живописи. Иначе, обладая такими способностями, он мог бы остаться работать в академии сразу после выпуска. Поначалу Шэнь Шивэнь не знал причин, думая, что Сун хочет быть оригинальным, раз уж вся его семья посвятила себя педагогике. Лишь позже, при случайном разговоре, он узнал: Сун Чжичжао хотел жить свободно, не желая, подобно своим родным, быть всю жизнь привязанным к ученикам и отдавать всего себя сфере образования. Он хотел рисовать то, что пожелает, отражать свои мысли и чувства, изображать жизнь во всем её многообразии.

Но сейчас из-за просьбы мастера Фу ему предстояло начать делать то, к чему не лежала душа. Внутри Шэнь Шивэня закипало необъяснимое раздражение. Он поднял руку, чтобы остановить Сун Чжичжао, но тот уже был у двери, и возможности помешать ему больше не было. Но он не желал смириться, сжал кулаки и громко спросил:

— Сун Чжичжао, ты так чтишь наставника и следуешь принципам, вечно думая о своем учителе и долге! Но когда ты начнешь думать о себе? Помнишь ли ты, чего хотел больше всего, когда только выпустился?

Лицо Сун Чжичжао на миг замерло, но вскоре он успокоился. Он стоял у двери, всего в шаге от учеников. Он знал, что все трое обладают выдающимся талантом и их будущее может быть блестящим. Они пришли с надеждой, точно так же, как он сам в детстве. Как же он мог позволить им уйти разочарованными? Если бы старый учитель Фу Яньчэн не был так стар и не обладал таким скудным запасом сил, он бы сам занялся ими, а не беспокоил своего единственного закрытого ученика.

— Конечно помню. Я хотел свободы, хотел не быть ничем связанным.

На губах Сун Чжичжао промелькнула слабая улыбка, в которой, однако, сквозило бессилие. Он добавил:

— Но, Ши Вэнь, свобода, которую я хотел, — самая наивная мечта. Пока человек жив, он скован мелочами повседневности, и настоящей, полной свободы никогда не достичь.

Сказав это, он не дал Шэнь Шивэню шанса ответить, открыл дверь мастерской и пригласил троих учеников войти. А Шэнь Шивэнь, глядя на Сун Чжичжао, стоявшего в десяти метрах от него, вдруг осознал: время идет, и его любимый человек уже давно не тот беззаботный юноша, который мог жить лишь по велению сердца.

Три ученика вошли в мастерскую, чинно поприветствовали Сун Чжичжао и почтительно назвали его учителем Суном. Тот мягко улыбнулся и жестом пригласил их сесть на диван у окна, намереваясь узнать об их базовых навыках. Шэнь Шивэнь стоял поодаль, глядя, как Сун Чжичжао оживленно беседует с учениками, и чувствовал, как в груди застрял тяжелый ком, который никак не желал исчезать. Он не мог определить, что это за чувство — возможно, жалость к Сун Чжичжао. Ведь теперь ему придется отдавать свои силы этим ученикам, а чуть оступишься — и, подобно старому учителю, получишь нож в спину от того, кого считал самым близким.

<http://bllate.org/book/28708/3471255>